

Историографическая рефлексия и становление национальной идентичности

О. Б. Леонтьева

Для цитирования: Леонтьева О. Б. Историографическая рефлексия и становление национальной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 314–322. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.120>

«Мемориальный поворот» в современных социогуманитарных науках — поворот к изучению исторической памяти — заставляет заново поставить вопросы о социальной значимости исторического познания, о роли исторической науки в формировании коллективной, в частности национальной, идентичности. Опыт историографической рефлексии над этими проблемами представлен в коллективной монографии «Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности», подготовленной лабораторией «Исследования исторической памяти и интеллектуальной культуры» Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории Российской академии наук под руководством Л. П. Репиной. В книге исследуются процессы формирования национальной идентичности и исторической памяти в нескольких странах мира: России, Британии, Германии, Польше и Боливии. «Кейс» каждой отдельно взятой страны рассматривается в перспективе «большой длительности» (как правило, с раннего Нового времени) в контексте общеевропейских или глобальных тенденций. Целостность коллективной монографии определяется наличием единого концептуального подхода. Конституирующим элементом национальной идентичности большинство авторов считают исторические мифы — мифологизированные представления об истоках национальной истории, прославленных предках и извечных врагах. Прослеживая генезис мифов, авторы фокусируют внимание на той роли, которую сыграли в их конструировании национальные нарративы, создававшиеся профессиональными историками разных стран. При этом формирование национальной идентичности трактуется не как однозначно направленный процесс, а скорее как «сад расходящихся тропок». Ставится проблема конкуренции разных идентичностей и памятей, рассматривается вопрос о «социальной базе» проектов строительства национальной идентичности, об аудитории национального нарратива. В центре внимания авторского коллектива — неоднозначность социальной роли исторической науки и двойственность миссии историка: с одной стороны, историки активно участвуют в процессе формирования национальной идентичности и исторической памяти; с другой — научное знание предоставляет им инструментарий для критического анализа исторических мифов и аргументированной рефлексии над проектами коллективной идентичности. Исследование является удачным опытом соединения мемориальной

Ольга Борисовна Леонтьева — д-р ист. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Российская Федерация, 443086, Самара, Московское шоссе, 34; oleontieva@yandex.ru

Olga B. Leont'eva — Dr. Sci. (History), Professor, Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, 34, Moskovskoie shosse, Samara, 443086, Russian Federation; oleontieva@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

парадигмы, новой социокультурной истории, истории национализмов и нацистротельства.

Ключевые слова: историография, историческая память, национальная идентичность, национальный нарратив, социальные функции исторического знания.

Historiographic Reflection and Formation of National Identity

O. B. Leont'eva

For citation: Leont'eva O. B. Historiographic Reflection and Formation of National Identity. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 1, pp. 314–322. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.120> (In Russian)

A turn of modern science towards the study of historical memory gives rise to questions about the role of historical science in the formation of collective, in particular, national identity. The experience of a historiographic reflection on these problems is presented in a collective monograph “The Past for the Present: History, Memory and Narratives of National Identity” written by the laboratory “Studies of Historical Memory and Intellectual Culture” of the Center for Intellectual History Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, headed by L. P. Repina. The authors of the collective monograph examine the processes of national identity and historical memory formation in several countries (Russia, Britain, Germany, Poland, and Bolivia) in a “longue durée” perspective, in the context of global trends. They focus on the role that national narratives created by professional historians played in the construction of “historical myths” — mythologized ideas about the “origins” of national history that represent the constitutive elements of national identity. The authors raise the problem of the competition of different identities and memories, and consider the issue of the audience of a national narrative. They highlight the ambiguity of the social role of historical science: on the one hand, historians are actively involved in the formation of the national identity and historical memory; on the other hand, scientific knowledge provides them with tools for a critical analysis of historical myths and well-reasoned reflection on the projects of collective identity. The study represents a successful attempt of combining the “memorial paradigm” and “new sociocultural history” with the history of nationalism and nation-building.

Keywords: historiography, historical memory, national identity, national narrative, social functions of historical knowledge.

«Мемориальный поворот» в социогуманитарных науках на рубеже XX и XXI вв. — поворот к изучению коллективной памяти о прошлом — существенно расширил проблемные горизонты исторических исследований. Все чаще историки обращаются к изучению исторических представлений и образов прошлого в сознании людей разных эпох, рассматривая их важность для формирования коллективной идентичности и ценностных ориентиров общества, для ориентации людей в настоящем и определения горизонтов будущего.

Открыв перед исторической наукой новые возможности, «мемориальный поворот» одновременно задал концептуальные вопросы, затрагивающие основы «ремесла историка»: заставил заново задуматься о социальной значимости исторического познания, о статусе исторической науки в ряду других наук и о самоопределении историка в современном мире. Как соотносятся друг с другом историческая наука и историческая память? Как расценивать то, что художественные образы или эмоционально-экспрессивные суждения о прошлом зачастую вызывают

у аудитории больше доверия, чем экспертные суждения историков-профессионалов, и может ли историческая наука заново завоевать общественный авторитет? Какую роль должен играть историк в современных «войнах памяти»? Достоинство ответить на вызовы эпохи можно лишь при условии профессиональной рефлексии, оценки той роли, которую играла историческая наука на разных этапах в формировании исторической памяти и коллективной, в частности национальной, идентичности общества.

Таким опытом историографической рефлексии стала коллективная монография «Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности», подготовленная лабораторией «Исследования исторической памяти и интеллектуальной культуры» Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН¹. Появление этого труда — закономерное следствие давнего интереса к теме исторической памяти со стороны сплоченной команды историков. С начала XXI в. под эгидой Института всеобщей истории РАН и Российского общества интеллектуальной истории был реализован ряд проектов, посвященных изучению исторической памяти и ее роли в формировании коллективной идентичности². Руководителем этих проектов является член-корреспондент РАН Л. П. Репина. В каждом из них участвовали представители научных учреждений и вузов разных городов, что позволило объединить в работе над общей проблематикой ученых из разных региональных школ — именно так воздвигаются стены «незримых колледжей». Эта добрая традиция не нарушена и в данной коллективной монографии.

Методологические горизонты изучения проблемы очерчиваются во вводных разделах коллективной монографии, написанных Л. П. Репиной. Руководитель исследовательского коллектива ставит здесь вопрос, актуальный для самоопределения исторической науки: в каких отношениях находятся история и память, противоречат ли они друг другу или могут быть совместимы? Как известно, многие современные ученые (Я. Ассман, П. Нора, А. Про, А. Мегилл и др.) противопоставляют друг другу историю и память, считая, что у них принципиально разные миссии: историю интересует достоверное научное знание, а память занята продуцированием образов, способных выполнить функцию сплочения общества³. Л. П. Репина предлагает иное видение этой проблемы: по ее мнению, история и память неотделимы друг от друга и существуют в режиме «сообщающихся сосудов»⁴. С одной стороны, историки не свободны от стереотипов и ценностных ориентаций своего времени, сопричастны «повседневному знанию», зависят от социального заказа; с другой стороны, обыденное историческое сознание впитывает построения историков-профессионалов — интеллектуальные конструкты, созданные исто-

¹ Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности / под общ. ред. Л. П. Репиной. М., 2020.

² История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М., 2006; Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. М., 2008; Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / под ред. Л. П. Репиной. М., 2017; и др.

³ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; С. 44–47; Нора П. Между памятью и историей: Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50; Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 311–319; Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2009. С. 91–169.

⁴ Прошлое для настоящего... С. 7.

риками, транслируются через учебную литературу и задают опции видения прошлого в общественном сознании. Подчеркивая неотделимость истории от памяти, Л. П. Репина вводит концепт «история-память», ставший ключевым для всей рассматриваемой монографии: под этим термином понимается «история в одном из ее модулов, или как одна из форм памяти» — культурный и интеллектуальный конструкт, создаваемый историками, который играет значимую роль в поддержании и переформатировании коллективной идентичности⁵.

Опыт рефлексии по поводу двойственности роли историка представлен также в разделах монографии, написанных С. И. Маловичко (Российский государственный гуманитарный университет). Его концепция построена на идее сосуществования и соперничества двух типов исторического знания: научного, удовлетворяющего потребность в строгом знании о прошлом, и социально ориентированного, удовлетворяющего потребность в конструировании коллективной идентичности⁶. Исследователя особенно интересуют ситуации переплетения «научной» и «социально ориентированной» истории, когда, стремясь к объективности, научная история в то же время служила национальным и государственным интересам; в нарративах национальной идентичности XIX в., по его мнению, соединились оба типа исторического знания⁷. Показательно, что свои идеи С. И. Маловичко подкрепляет широким кругом примеров как из российской, так и из французской, немецкой, английской историографии: становление исторической науки в России предстает у него как неотъемлемая часть общеевропейского историографического процесса.

Сильной стороной данного издания является компаративистская направленность. На ее страницах исследуются «кейсы» нескольких стран в перспективе «большой длительности»: России, Британии, Германии, Польши и Боливии (Боливия в данном случае выступает как «полномочная представительница» не только Латинской Америки, но и всех стран, переживающих процессы деколонизации и связанной с этим ревизии исторической памяти). Главы о России написаны И. Н. Ионовым (ИВИ РАН) и С. И. Маловичко, о Британии — В. В. Высоковой (Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина), о Германии — О. В. Заиченко (ИВИ РАН), о Польше — А. Г. Васильевым (Высшая школа экономики), о Боливии — А. А. Щелчковым (ИВИ РАН). Отдельно следует отметить главу, написанную М. В. Кирчановым (Воронежский государственный университет) и посвященную сравнению двух «кейсов» — особенностям формирования национального нарратива в современных «многосоставных» обществах России и Британии. Все разделы книги отличает широта видения: процессы формирования идентичности в конкретных странах освещаются в контексте европейских или глобальных тенденций.

Целостность коллективной монографии как научного труда определяется наличием у ее авторов общего концептуального подхода. В данном случае такой подход налицо. Прежде всего они ведут отсчет формирования национальной идентичности и соответствующих национальных нарративов в тех или иных странах не с XIX в., который обычно характеризуется как век национализма, а с более ранних периодов — с эпохи Возрождения, Реформации, раннего Нового времени. Показа-

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Там же. С. 140–141, 173–174.

⁷ Там же. С. 177–178, 181–183, 191, 200.

телями формирования национальной идентичности исследователи считают поиск корней и истоков той или иной нации или государства; противопоставление своей нации соседям, формирование образа «Другого», который зачастую предстает как образ врага; зарождение идеи национальной исключительности; наконец, поиски в глубинах истории мифов и символов, способных сплотить нацию. Авторы монографии сходятся в том, что существенную роль в этих поисках играла историческая наука, которая сама в течение данного периода находилась в процессе становления; помогая нации обрести свое лицо, историческая наука в то же время обретала саму себя.

Конституирующим элементом национальной идентичности большинство авторов анализируемого труда считают исторические мифы: прежде всего мифы происхождения (о «славных предках») и тесно связанные с ними мифологизированные представления об извечных врагах. Соответственно, исследовательский коллектив интересуют те ситуации, когда историки разных времен и народов участвовали в процессе национального мифотворчества, соединяя различные мифы в общую ткань национального нарратива, тем самым закладывая основу той или иной концепции национальной идентичности.

Так, В. В. Высокова прослеживает роль, которую сыграл в формировании британской идентичности исторический миф о «древней конституции» Англии (якобы существовавшей в неписаном виде еще до Вильгельма Завоевателя), сложившийся в XVII в.⁸ Она доказывает, что данный миф стал важнейшим компонентом «вигского метанарратива», господствовавшего в Британии с конца XVIII до второй половины XX в. В основу этого метанарратива легло представление об англичанах как о «конституционном народе», сумевшем пронести традиции народного представительства через все исторические потрясения⁹.

Освещая формирование немецкой идентичности, О. В. Заиченко останавливается на значении нескольких мифов, которые конструировались немецкими интеллектуалами на протяжении всего Нового времени. Автор выделяет «германский миф» — миф об исключительности древних германцев как «славных предков» немецкого народа¹⁰; миф о «борьбе с Римом» как вечной исторической задаче германцев / немцев (при этом в понятие «Рим» немецкие мыслители разных времен вкладывали несхожее содержание — под «развращенными» римлянами могли подразумеваться папская курия, французские законодатели мод, империя Наполеона и т. д.)¹¹; наконец, миф о «великой немецкой империи», изображавший немцев в качестве законных наследников империи Карла Великого¹². Автор прослеживает, как эти исторические представления, порожденные глубокой фрустрацией в ситуации политической раздробленности и тяжелых внешнеполитических поражений XVII в., легли в основу национального нарратива и к XIX в. дали немцам ощущение единой национальной истории, чтобы затем, в XX в., стать идеологической базой имперской и нацистской экспансии¹³.

⁸ Прошлое для настоящего... С. 240–266.

⁹ Там же. С. 267–290.

¹⁰ Там же. С. 334–336, 346–351.

¹¹ Там же. С. 336–346, 351–357.

¹² Там же. С. 358–360.

¹³ Там же. С. 363–391.

В главе о польской национальной идентичности, написанной А. Г. Васильевым, предметом анализа оказывается «сарматский миф» — миф происхождения польской государственности (или же польской шляхты как сословия) от древних сарматов, тесно связанный с мифологизированным представлением о Польше как «крепостной стене», «бастионе», защищающем Европу от Азии, свободу от деспотизма¹⁴. Рассматривая историографическую судьбу сарматской теории происхождения славян, автор выявляет влияние этой теории на становление сарматизма как концепции коллективной идентичности, определявшей формы жизни, стиль искусства, тип религиозности и политическое кредо шляхты XVII — первой половины XVIII в.¹⁵, подчеркивая, что сарматская теория и сарматизм — явления принципиально разного порядка, он анализирует их взаимовлияние на протяжении нескольких столетий.

Глава, написанная А. А. Щелчковым, посвящена индеанизму — сложившейся в XX в. идеологии автохтонного населения Латинской Америки, где сплетены экологические, эгалитарные и расовые мотивы. Хотя индеанизм является фактором общественной жизни многих латиноамериканских стран, для подробного анализа этого феномена выбрана Боливия, поскольку именно там после прихода к власти Эво Моралеса у индеанистов появилась возможность предпринять масштабную попытку «переформатировать» идентичность населения Боливии в русле политики деколонизации. Исследователь подробно останавливается на мифологизации исторического сознания в рамках идеологии индеанизма, прослеживая, как традиционные индейские представления о ходе времен переплетаются с новыми историческими мифами, созданными интеллектуальной элитой и терпеливо внедрявшись в массы на протяжении нескольких десятилетий¹⁶.

Практически в каждом разделе монографии ставится проблема конкурирующих идентичностей и памяти: формирование национального нарратива предстает не как однозначно направленный телеологический процесс, а скорее как «сад расходящихся тропок». Так, реконструируя историю германского мифа, О. В. Заиченко подчеркивает, что он создавался в противовес другим моделям идентичности, строившимся вокруг династической лояльности или регионального патриотизма¹⁷. Обращаясь к истории сарматского мифа в Польше, А. Г. Васильев выделяет два различных модуса отношения к сарматизму (скептическое и апологетическое, с позиций Просвещения и с позиций романтизма), которые сохраняются до сего дня и служат обоснованием той или иной модели идентичности современной Польши¹⁸. В главе, посвященной Боливии, акцент сделан на конкуренции креольско-метисной и индейской идентичности и на неудаче попыток создать новую идентичность на основе мультикультурализма¹⁹.

Ярко выступает проблема конкурирующих идентичностей и в главах, посвященных России. И. Н. Ионов рассматривает становление исторического сознания в России как историю соперничества двух моделей идентичности: государствен-

¹⁴ Там же. С. 393–404.

¹⁵ Там же. С. 403–412.

¹⁶ Там же. С. 417–456.

¹⁷ Там же. С. 390.

¹⁸ Там же. С. 412–416.

¹⁹ Там же. С. 417–418, 444–445, 448–456.

ной, строящейся на «вертикальном» доверии общества к власти, и гражданской, основанной на «горизонтальном» взаимном доверии разных групп общества²⁰. Как и многие мыслители, он считает конституирующей чертой российского исторического процесса цикличность: смену реформ контрреформами, универсализма — самоизоляции, «диалога» разных социальных и национальных групп — «монологом власти»²¹. Эти маятниковые колебания неминуемо порождают внутренний раскол общества; он проявляется, в частности, как раскол между «нормативным историческим сознанием», которое насаждается властью, и «контрпамятью», «протестной памятью» различных социальных и этнических групп; впрочем, на новых исторических витках «нормативное» и «протестное» может меняться местами²². Особенность подхода И. Н. Ионова — в том, что, по его мнению, цикличность российской истории следует интерпретировать в контексте глобальной истории: смены революционных и контрреволюционных тенденций в Европе XIX в., чередования периодов информализации и реформализации поведения в XX в. Такой подход, с его точки зрения, имеет право на жизнь, поскольку сознание российских элит отличалось «боваризмом» и «левантизмом» — зависимостью от западных дискурсов, что порождало феномены «спутанной идентичности»²³. Таким образом, для И. Н. Ионова российский опыт не отделим от европейского и мирового контекста — и, более того, может быть адекватно понят лишь с учетом этого контекста.

Разделы издания, посвященные становлению национальной истории и идентичности в разных странах, объединяет общее теоретико-методологическое видение проблемы, восходящее к таким корифеям истории и теории национализма, как Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, М. Хрох и другим²⁴: историческая память и национальная идентичность трактуются как феномены, которые сознательно формируются «сверху», усилиями интеллектуалов, и лишь на определенной стадии становятся достоянием масс. В то же время ни одного из авторов монографии нельзя признать сторонником конструктивистского подхода к становлению современных наций со всеми его крайностями. В начале книги Л. П. Репина делает важное замечание: интеллектуалы, создавая свои проекты идентичности, имеют дело не с чистым листом бумаги, а с уже имеющимися коллективными представлениями, культурными традициями и мифологемами; идеологический конструкт может вызвать эмоциональный отклик лишь при условии, что он резонирует с символическими ресурсами той или иной этнокультурной среды, а успех проектов строительства памяти и идентичности зависит от социокультурных факторов длительной протяженности²⁵.

В соответствии с этим во многих главах затрагивается вопрос о социальной базе подобных проектов, об аудитории национального нарратива. Согласно концепциям авторов монографии, в Британии Нового времени в качестве такой ауди-

²⁰ Прошлое для настоящего... С. 38.

²¹ Там же. С. 40.

²² Там же. С. 47–53, 61–71, 82–95.

²³ Там же. С. 38–42, 53–54, 73–74, 100–104.

²⁴ Андерсон Б. Воображенные сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 121–145; The Invention of Tradition / eds E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983; на русском языке см.: Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

²⁵ Прошлое для настоящего... С. 32–33.

тории выступали джентри, в Германии — бюргерство, в Польше — шляхта (в каждом случае — образованные и обеспеченные слои), а в Боливии второй половины XX в. — автохтонное крестьянство, к которому приходилось обращаться не через печатные издания, а посредством популярных радиопередач²⁶. В свою очередь, И. Н. Ионов, освещая историю формирования исторической памяти в позднем Советском Союзе и современной России, говорит о «журнальной нации» и «телевизионной нации» — определяющим признаком аудитории тут становится не социальное положение, а предпочитаемый способ получения информации²⁷.

Как и в любом большом коллективном труде, в монографии «Прошлое для настоящего» можно найти те вопросы, по которым у авторов нет единства мнений. В большинстве разделов национальная и государственная идентичность, национальный и государственный нарратив рассматриваются как неразрывное целое и сливаются в единое понятие — «национально-государственный»; но в отдельных случаях такой подход ставится под сомнение. Так, М. В. Кирчанов на примере истории двух «многосоставных обществ» с имперским прошлым — Британии и России — ставит вопрос о месте национального (английского и русского) компонентов в рамках государственной (британской и российской) исторической памяти. Согласно его парадоксальным выводам, именно англичане и русские на протяжении длительного времени остаются в историографии «маргинальными», «невидимыми» сообществами — их заслоняет «тень» больших политических проектов, имперского и советского²⁸. Лишь во второй половине XX в. в Британии сложилась историографическая школа *Anglo-Saxon Studies*, ставшая инструментом формирования англосаксонской идентичности; в России же до сих пор наблюдается «доминирование государственной истории и отсутствие национальной (русской. — О. Л.)»²⁹. Напротив, как мы видели, С. И. Маловичко, обращаясь к истории исторического знания в России XVIII — начала XX в., считает ее магистральной линией именно успешное формирование национально-государственного нарратива.

Впрочем, тот факт, что к российскому и британскому опыту обращаются разные авторы издания, создает своеобразный стереоскопический эффект: читатель имеет возможность сопоставить несколько возможных подходов к трактовке историографических процессов в контексте нациестроительства. Противоречивость позиций по конкретному вопросу может быть объяснена трудностями однозначной дефиниции самого понятия «национальный», которое применимо как к политической нации (сообществу граждан), так и к этническому сообществу.

Таким образом, монография «Прошлое для настоящего...» является удачным опытом соединения нескольких научных направлений при общности исследовательского подхода. Среди них следует назвать «мемориальную парадигму», основанную на восприятии исторической памяти как «ключа» к коллективной идентичности людей разных эпох; «новую социокультурную историю», изучающую культурные представления и ценностные ориентации людей разных эпох в неразрывной связи с их социальными практиками; наконец, историю национализмов и нациестроительства, сквозь призму которой рассматривается становление на-

²⁶ Там же. С. 222–223, 334, 367–369, 394, 399–406, 438.

²⁷ Там же. С. 92, 96.

²⁸ Там же. С. 294.

²⁹ Там же. С. 305–306.

ционально-государственных нарративов. Скрещение этих направлений позволяет высветить неоднозначность социальной роли исторической науки и двойственность миссии историка: с одной стороны, историки играют активную роль в создании коллективной идентичности и формировании исторической памяти; с другой стороны, научное знание предоставляет им инструментарий для критического анализа «истории-памяти» и аргументированной рефлексии над проектами коллективной идентичности. Примером такой рефлексии и является представленный труд. Но в любом случае историки обращаются к прошлому, чтобы интерпретировать его «для настоящего».

References

- Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow, Canonpress-C Publ., Kuchkovo pole Publ., 2001, 288 p. (In Russian)
- Assmann J. *Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity*. Moscow, Iazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2004, 363 p. (In Russian)
- Dialogues with Time: Memory of the Past in the Context of History*. Ed. L. P. Repina. Moscow, Krug Publ., 2008, 800 p. (In Russian)
- France-Memory*. Ed. P. Nora. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1999, 325 p. (In Russian)
- History and Memory: Historical Culture of Europe before the Modern Age*. Ed. L. P. Repina. Moscow, Krug Publ., 2006, 768 p. (In Russian)
- Hobsbawm E. Invention of Tradition. *Vestnik Evrazii*, 2000, no. 1, pp. 47–62. (In Russian)
- Hroch M. From National Movement to the Fully-formed Nation: The Nation-building Process in Europe. *Natsii i natsionalizm*. Moscow, Praxis Publ., 2002, pp. 121–145. (In Russian)
- Megill A. *Historical Epistemology*. Moscow, Kanon+ ROII Reabilitatsiia Publ., 2009, 480 p. (In Russian)
- Prost A. *Twelve History Lessons*. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2000, 333 p. (In Russian)
- The Event in History, Memory and Narratives of Identity*. Ed. L. P. Repina. Moscow, Aquilo Publ., 2017, 400 p. (In Russian)
- The Invention of Tradition*. Eds E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, Cambridge University Press, 1983. VII, 320 p.
- The Past for the Present: History, Memory and Narratives of National Identity*. Ed. L. P. Repina. Moscow, Aquilo Publ., 2020, 464 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 1 сентября 2020 г.

Рекомендована в печать 10 декабря 2020 г.

Received: September 1, 2020

Accepted: December 10, 2020